

The essence of kpi and its role in the management of the enterprise

Lyudmila Gennadievna Rudenko, Ph.D., associate professor, dean of the faculty of economics and finance, Moscow Witte University

Natalya Pavlovna Degtyar, undergraduate, department of economics and urban service areas, Moscow Witte University

The article is devoted to the exploration of key performance indicators organizations. The study analyses different perspectives regarding the essence and contents of the KPI and the author's interpretation of the index.

Keywords: key performance indicators (KPIs), balanced scorecards, strategy of the enterprise, management objectives.

УДК 1/14 (35)

**КОНСЕРВАТИЗМ В РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ**

*Сергей Петрович Дуреев, канд. филос. наук,
доцент кафедры философии и социальных наук,
e-mail: drvsp@yandex.ru,*

*Сибирский государственный аэрокосмический университет
им. академика М. Ф. Решетнёва,
<http://www.sibsau.ru>*

Центральное и местное самоуправление основаны на одном и том же принципе народовластия, т. е. на участии общества в государственном управлении (первая – в верховном, вторая – в местном). Построение этих систем на разных началах вызовет между ними несомненное противоречие, будет мешать правильному ходу административной машины и рано или поздно приведет к реформе одного на началах другого.

С. Ю. Витте (Самодержавие и земство. 1908. С. 18)

В статье раскрываются особенности реализации консервативной концепции местного самоуправления в России, основанные на исторически сложившемся порядке общественных отношений, преемственности социальных связей и стандартов естественности коллективистского типа общества. Показано, что огосударствление сферы жизнеутверждения местного сообщества, органов местного самоуправления сопровождалось нравственным возрождением местного сообщества. Доказано, что органы местного самоуправления формировались из лучших представителей местного сообщества.

Ключевые слова: местное самоуправление; псевдосфера функционирования; органы местного самоуправления; огосударствление; нормы права; репрезентация действительности.

DOI 10.21777/2307-6135-2017-2-54-62

Местное самоуправление в России имеет глубокие исторические корни, веками устоявшиеся традиции¹. Псевдосфера функционирования органов местного самоуправления определялась всей совокупностью социальных норм, ведущая роль в которых отводилась внутренним законам нравственности, идеалам правды, добра и справедливости.

¹ О реализации либеральной концепции местного самоуправления см.: Дуреев С. П. Российская модель местного самоуправления // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2016. № 2 (8). С. 23–31.

ности. Все попытки модернизации организации управления и местного самоуправления от Ивана IV до Александра II не затрагивали сферу жизнеутверждения местного сообщества, социальные основы его бытия, и община, получившая название «мир», на протяжении многих веков была важнейшей основой развития русской государственности.

С.П. Дуреев

К середине XIX века сельская община стала привлекать внимание общественности, а причины введения нового порядка устройства общин и организации общественного управления до настоящего времени носят дискуссионный характер. Одни считали сельскую общину главной движущей силой социалистической революции. Для других община выступала средством закабаления крестьян, и они требовали скорейшего освобождения крестьян от крепостной зависимости. Третьи доказывали, что у России особый путь развития и веками устоявшиеся в общине быт, нравы и веру государю следует охранять. Однако С. Ю. Витте откровенно указал, что реформы общинного самоуправления были направлены на изменение «самых коренных условий нашей системы местного управления, в разрушении ее старых основ» [1], что отживающие инструменты управления следует заменить более совершенной системой самоуправления, развитием которой обеспечивается благо народа.

К середине XIX века апробированный столетиями механизм формирования псевдосферы функционирования для органов местного самоуправления и способность местного сообщества управлять сферой своего жизнеутверждения стала «отживающим средством управления», а самоуправление, дарованное Александром II, – благом для народа, т. е. общественным идеалом. В результате управление сферой жизнеутверждения местных сообществ, находившееся под опекой местной аристократии, переходило под опеку государства. Строго говоря, началось огосударствление местного самоуправления.

С 1861 года основную роль в управлении сферой жизнеутверждения местного сообщества отводилось нормам права. Так, в разделе II Манифеста от 19 февраля 1861 года «Об устройстве сельских обществ и волостей и общественного их управления» [2] указывается, что «„сельское общество“ состоит из крестьян, водворенных на земле одного помещика» (ст. 1) для совместной хозяйственной деятельности. Вторых, определены органы местного самоуправления. Это «1) сельский сход; 2) староста» (ст. 5). В-третьих, установлена псевдосфера функционирования органов местного самоуправления, финансовое обеспечение их деятельности и ответственность перед государством. Утвержденное указом Александра II от 1 января 1864 года «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» [3] установило жесткую псевдосферу функционирования органов местного самоуправления. В частности, в нем указано, что деятельность органов местного самоуправления регулируется общими гражданскими законами (ст. 5); «в кругу вверенных им дел, действуют самостоятельно» (ст. 6); а «в постановлениях и распоряжениях своих не могут выходить из круга указанных им дел; по сему они не вмешиваются в дела, принадлежащие кругу действий правительственных, сословных и общественных властей и учреждений» (ст. 7). Органы местного самоуправления несли ответственность перед государством и «подвергались законной ответственности <...> за превышение власти, за действия, противные существующим законам, за неисполнение основанных на законе требований местных начальств, за неправильные распоряжения по вверенным им хозяйственным делам и за всякий ущерб или стеснение, нанесенное обществам или частным лицам» (ст. 8). В Положении, получившем силу закона, органы местного самоуправления выступали как органы общественного самоуправления, не имеющие государственно-властных полномочий. С утверждением 12 июня 1890 года «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» [4] органы местного самоуправления вошли в общую структуру государ-

ственного управления, но псевдосфера их функционирования от этого существенно не изменилась.

В результате огосударствления деятельность органов местного самоуправления попала под строгий надзор правительственной власти. Например, некоторые распоряжения и постановления органов местного самоуправления требовали одобрения со стороны губернатора или министра внутренних дел. Нормы права, регулирующие псевдосферу функционирования органов местного самоуправления, предусматривали и судебный надзор. Правительственному Сенату было предоставлено право разрешения конфликтных ситуаций, возникающих между органами местного самоуправления и администрацией губернатора.

Государство наделяло органы местного самоуправления только хозяйственными функциями. Для этого им были предоставлены права собственности и юридического лица, они получали возможность самостоятельно формировать бюджет и устанавливать нормы налогообложения. Сфера жизнеутверждения местного сообщества была открытой и доступной. В их ведении были вопросы народного образования, здравоохранения, ветеринария, сельское хозяйство, статистика, дорожное дело и др. Кроме того, активно вмешиваясь в псевдосферу функционирования органов местного самоуправления, государство наделяло их несвойственными для сферы жизнеутверждения местного сообщества функциями (полицейские, мобилизационные) и тем самым подрывало авторитет этих органов у населения.

Принципиальной основой организации местного самоуправления являлось привлечение к непосредственному участию в работе не только членов местного сообщества, нужды которых обслуживались, но и представителей других сословий, жизненный уклад которых был совершенно иной, чем у крестьян. В этой связи перед органами местного самоуправления стояла достаточно сложная задача – подобрать социальных субъектов, способных решать наиболее сложные вопросы сферы жизнеутверждения местного сообщества, совершенствовать общественные отношения.

На уровне местного самоуправления совершенствование общественных отношений основывалось на совершенствовании личности каждого члена местного сообщества, а отношения между членами местного сообщества выстраивались как отношения между симфоническими субъектами. А вот общественные отношения между институтами государства и органами местного самоуправления в этот период времени нельзя назвать отношениями симфонических субъектов, но нельзя их назвать и отношениями трансцендентальных субъектов. Такое состояние общественных отношений сформировало двойственное понимание организационных основ местного самоуправления: как общественного института и как нижнего уровня государственной власти. По этой причине развитие местного самоуправления, с одной стороны, опиралось на естественные права местных сообществ (А. И. Васильчиков, В. Н. Лешков и др.), а с другой стороны, являлось предпосылкой совершенствования государственной власти (А. Д. Градовский, Н. И. Лазаревский, Б. Н. Чичерин и др.), поэтому необходимым условием развития местного самоуправления выступало государство.

Даже учитывая всю ту критику, которой подвергались органы местного самоуправления со стороны своих современников, они не были неработающей системой, а набрав со временем силу, стали играть значительную роль в общественно-политической жизни страны. Некоторые политические деятели рассматривали их как основу будущего политического устройства государства. Авторитет органов местного самоуправления обеспечивался подлинным их самоуправлением через выборы лучших представителей местного сообщества, а эффективность функционирования органов местного самоуправления поддерживалась штатом профессиональных и компетентных работников. В конечном итоге государство вынуждено было считаться с им же сформированной системой местного самоуправления.

Вновь созданная система местного самоуправления способствовала оформлению полноты бытия местного сообщества. Созданные для выполнения местных повинностей, органы местного самоуправления находили средства для развития образования и культуры, развития сельского хозяйства, крестьянских промыслов и предпринимательства, направляли средства на борьбу с последствиями неурожаев и стихийных бедствий.

Вновь созданная система местного самоуправления способствовала развитию общественных отношений нового типа. Решая актуальные вопросы сферы жизнеутверждения местного сообщества органы местного самоуправления превращались в организатора сложного хозяйственного процесса и тем самым укрепляли власть членов местного сообщества. В этом качестве власть не возвышала человека над обществом, а наделяла его совершенными качествами вершителя добра и справедливости: власть была связана с чувством ответственности перед теми, кто доверил власть лучшим над собой.

Дальнейшие изменения в развитии местного самоуправления в России связаны с событиями 1917 года. В результате политической борьбы за власть «победу одержала партия, – пишет Н. С. Трубецкой, – стоявшая за наиболее трудно осуществимый, но в то же время и наиболее заманчивый из всех европейских идеалов <...> господства коммунизма» [5]. Большевики основывали все свои заверения народам России о восстановлении модели истинно русской демократии, о власти местных Советов, апробированной на протяжении столетий на уровне сельских общин и «работных» артелей. Об этом говорят первые декреты советской власти, например Декрет о земле, по которому право частной собственности на землю отменялось, земля становилась всенародным достоянием и переходила в пользование крестьян, работающих на ней. Однако советская власть вскоре приняла очертания, далекие от народного представления. Теоретики марксизма в организации местного самоуправления обратились не к евразийской концепции, а к модели вертикальной интеграции, подчинению местного сообщества общегосударственному идеалу – господства коммунизма, подчинение Советов государственным структурам и партийному аппарату, которые были ответственны за реализацию принятого общественного идеала.

Реализация идеи В. И. Ленина о создании государства «диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства» [6, с. 425] обеспечила ликвидацию разделения властей и полновластие большевистской элиты через механизмы местных Советов, которые возникали как органы местного самоуправления для решения вопросов сферы жизнеутверждения местного сообщества. Однако вскоре местные Советы стали элементом централизованной системы управления: они «организованно» вошли в единую систему государственной власти. В. И. Ленин по этому поводу писал, что «местные Советы свободно объединяются на началах демократического централизма в единую, федеральным союзом скрепленную, общегосударственную советскую власть» [7]. Следует подчеркнуть, что в первые годы строительства советского государства, как отмечает современный правовед Е. М. Ковешников в своей работе «Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия», само понятие «местное самоуправление» употреблялось как синоним института буржуазной демократии и воспринималось критически [8].

Разрабатываемая теоретиками марксизма-ленинизма модель господства коммунизма выступает в качестве идеальной сущности, а практическая реализация этой модели стала репрезентацией социальной действительности. Оформление общественного идеала повлекло за собой и коренное изменение стандарта естественности для местного сообщества. Таким стандартом становится верховенство идеального (духовного) над материальным. Другими словами, модель господства коммунизма выступает в качестве сущности духовного порядка, а ее практическая реализация является репрезентацией социальной действительности. Принятый большевиками к реализации общественный идеал как трансцендентальный субъект и «приступил к формированию» псевдосферы

функционирования для местных Советов, «ставя своей основной задачей <...> установление социалистической организации общества и победы социализма» [6, с. 424]. Более того, принятый к реализации большевиками общественный идеал нуждался в скорейшей институционализации субъекта управления – трансцендентального субъекта.

В результате местным Советам был отведен нижний уровень управления в едином государственном аппарате управления. Каждое их решение должно было пройти согласование и могло быть отменено по причине, например, нецелесообразности. В первой советской Конституции об этом прямо сказано: «Съездам Советов и их исполнительным Комитетам принадлежит право контроля за деятельностью местных Советов <...> а областным и губернским Съездам Советов и их исполнительным Комитетам – кроме того, право отмены решений действующих в их районе Советов, с извещением об этом в важнейших случаях Центральной Советской власти» [6, с. 435]. Органы государственной власти, возглавляемые лидерами партии большевиков, превращались в социальный институт, ответственный за реализацию общественного идеала. Содержание первой советской Конституции раскрывает процесс огосударствления органов местного самоуправления. Этот процесс происходил при монопольной власти партийного аппарата во всех структурах государственного и местного управления.

В организации местного самоуправления задача построения социализма в России выступает как форма общественного идеала, как трансцендентальный субъект. Политическая программа большевиков оформилась в качестве Конституции РСФСР и установила псевдосферу функционирования для местных Советов – предметы ведения для органов советской власти на местах. Нормы права, издаваемые государством, репрезентировали положения политической программы большевиков, захвативших власть в начале XX века.

Итак, в первые годы советской власти псевдосфера функционирования местных Советов, как части общей системы представительных органов власти, определялась принципами организации и построения власти во всем государстве. Строго говоря, псевдосфера функционирования местных Советов определялась общественным идеалом. Лозунг «Вся власть Советам» не выражал состояния социальной действительности, потому что вся полнота власти находилась в руках партийного аппарата. Центральные органы советской власти и органы местного самоуправления безоговорочно признавали власть партии. Партийный аппарат формировал свои структуры управления, которые контролировали, а при необходимости и подменяли деятельность не только местных Советов, но и органов государственной власти. Поэтому успешной являлась деятельность тех местных Советов, псевдосфера функционирования которых не противоречила основной задаче трансцендентального субъекта – формированию социалистической организации общества и построению социализма.

Следовательно, псевдосфера функционирования органов местного самоуправления определялась способностью выполнять строго прописанные функции партийного аппарата. Слияние партийного аппарата с Советами на всех уровнях управления государством, принятие совместных партийно-советских нормативных актов способствовали концентрации власти в партийных органах, укреплению роли партии в управлении обществом. Основную цель дальнейшего общественного развития партия видела в уничтожении «эксплоатации человека человеком» и осуществлении «коммунизма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти» [9]. Реализация конституционно закрепленной идеи развития общества минимизировала роль органов местного самоуправления в сфере жизнеутверждения местного сообщества. Полная зависимость от государства Советов депутатов трудящихся, их исполнительных органов была закреплена в основных законах государства 1924 и 1936 годов.

Для достижения своих программных целей партия мобилизовала все силы общества, поддерживала создание различных социальных институтов для

осуществления всестороннего контроля над поведением действующих лиц, в том числе и за деятельностью органов местного самоуправления. Каждый член местного сообщества, органы местного самоуправления в своей практической деятельности полагались на готовые и соответствующим образом оформленные решения. Подобные консервативные установки определяли поведение членов местного сообщества, контролировали псевдосферу функционирования органов местного самоуправления и формировали специфику способа производства общества и специфику способа производства собственной жизни индивидов. Строго говоря, органы местного самоуправления как субъект общественных отношений выступали в качестве трансцендентального субъекта и под контролем институтов государства сознательно выполняли строго определенные функции.

Используя сознательное отношение членов местных сообществ к хозяйственной деятельности, партия, во-первых, вырабатывала общие принципы общественного развития, определяла общественные ценностные ориентиры от построения «социалистической организации общества» [6, с. 424] до построения «бесклассового коммунистического общества, в котором получит развитие общественное коммунистическое самоуправление» [10]; во-вторых, разрабатывала абстрактные схемы и планы общественного преобразования и, в-третьих, регулировала и контролировала их воплощение. Эффективно используя консервативный принцип сознательности партия смогла организовать управление во всех сферах бытия общества; сохранить сплоченность местных сообществ, их культурных традиций и преемственность коллективистского типа социальных связей; выработать традиции общественного развития, передающиеся от поколения к поколению.

Широкое начало развития местного самоуправления связано с принятием в 1968 году закона «О поселковом, сельском Совете народных депутатов РСФСР» [11]. В этом законе прописано, что Советы народных депутатов (органы местного самоуправления) формируются демократическими средствами и «как орган государственной власти решают все вопросы местного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан» (ст. 1). Устанавливается псевдосфера функционирования для органов местного самоуправления – руководство «на своей территории государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством» (ст. 3). Для этого органы местного самоуправления наделяются соответствующими полномочиями и правами. За результаты своей деятельности органы местного самоуправления отчитываются не только перед избирателями, но и «вышестоящему исполнительному и распорядительному органу» (ст. 39).

Наделение органов местного самоуправления ответственностью за решение вопросов сферы жизнеутверждения местного сообщества, расширение псевдосферы функционирования органов местного самоуправления позволило повысить авторитет нижнего уровня государственного управления – Советов народных депутатов. В результате привлечения широких слоев населения к решению жизненно важных проблем, с одной стороны, формировался авангард местных сообществ, состоящий из лучших его представителей. С другой стороны, привлечение лучших представителей к управлению сферой жизнеутверждения местного сообщества свидетельствует о стремлении влияния Советов народных депутатов на сферу жизнеутверждения местного сообщества не только как органов местного самоуправления, но и как органов государственной власти. Поэтому каждый член местного сообщества основным и главным смыслом своего существования считал служение обществу, ощущая свое единство, непрерывную связь с другими членами местного сообщества. Лучшие представители местных сообществ не только обеспечили формирование единого целого и выступали в качестве оформления совершенства, но и выступали в качестве противодействия внешним факторам.

С этой точки зрения «советская модель» местного самоуправления представляет собой способ производства коллективистского (совершенного) общества, жизнеспособность которого поддерживалась деятельностью разнообразных хозяйствующих субъектов. Коллективистское общество формировалось *не на основе удовлетворения эгоистических интересов* и потребностей отдельных личностей, не на верховенстве всеобщей воли абстрактно существующего общественного идеала: коллективистское общество формировалось *на основе нравственности, на потребности в совместной деятельности* (всем миром, всей землей), *на потребности совершенствования общественных отношений* внутри сферы жизнеутверждения местного сообщества. «Гражданин русского государства, – писал Н. С. Трубецкой, – не обольщая себя ложным представлением о достижимости в государственном строительстве какого-то идеального разрешения всех вопросов, вполне сознавал всю ограниченность возможных в этом направлении достижений и, перенося центр тяжести в этику, видел основную причину „неправды“ агентов власти в нравственном совершенстве этих агентов, а искоренение этой неправды считал проблемой нравственности, этики, а не юридическо-политического реформаторства» [12].

Тем не менее при всей активности местных сообществ демократизация общественной жизни, самостоятельность органов местного самоуправления имели репрезентативный характер по ряду причин. Во-первых, органы местного самоуправления были нижним уровнем в структуре государственной власти. Во-вторых, предприятия и организации, размещавшиеся на подвластной органам местного самоуправления территории, имели прежде всего отраслевое, ведомственное подчинение. В-третьих, руководители этих предприятий и организаций стремились к самостоятельности и самоорганизации своих трудовых коллективов. В-четвертых, и это главное, реальная власть на местах принадлежала партийному аппарату – районным комитетам КПСС, которые руководили деятельностью органов местного самоуправления, согласовывали кандидатуры для состава Советов народных депутатов.

Для советского периода характерно огосударствление всех социальных институтов, в т. ч. и органов местного самоуправления: они целиком были подотчетны Советам народных депутатов. Советы, являясь органами государственной власти, направляли деятельность всех государственных и общественных организаций на достижение поставленной цели общественного развития (трансцендентального субъекта) под общим руководством коммунистической партии. Главное и определяющее назначение органов государственной власти – организовать связь между целями общественного развития и общественными отношениями.

Сегодня вполне очевидно, что идея построения коммунистического общества выступала в качестве идеальной сущности, а практическая реализация этой идеи – репрезентацией социальной действительности. Местное самоуправление превратилось в абстрактную сущность, репрезентирующую социальную действительность, в которой члены местного сообщества были подчинены общей воле, принятого к реализации общественного идеала. Для достижения целей общественного идеала органы местного самоуправления получали от государства как субъекта управления высшего порядка соответствующие права и полномочия. Управляя сферой жизнеутверждения местного сообщества органы местного самоуправления, в соответствии с установленной для них псевдосферой функционирования, выражали правдоподобность общественной жизни.

А. И. Щиглик в своей известной работе «Самоуправление в условиях развитого социализма» выделяет наиболее важные признаки правдоподобности общественной жизни – «саморегулирование посредством сообща принятых социальных норм, совместное ведение общих дел, отстаивание и защита общих интересов на основе самодеятельности» и др. [13]. Эти и другие признаки определяют диалектический характер развития государственности и раскрывают «советскую модель» и «земскую

модель» местного самоуправления как эффективную и демократическую систему власти местного сообщества.

Выводы

Реализация консервативной концепции местного самоуправления предполагает огосударствление всех сфер общественного бытия, соединение сил всех социальных институтов для достижения абстрактных схем общественного развития. С середины XIX века такой абстрактной схемой являлось всеобщее благо народа, а после 1917 года построение коммунистического общества. Для их достижения все социальные институты, в т. ч. и органы местного самоуправления, подлежали огосударствлению, абсолютная свобода деятельности принадлежала институтам государственной власти, которые стремились восполнить трансцендентальную реальность.

Следовательно, всеобщее благо народа и построение коммунистического общества выступали идеальной сущностью, а их существованием – практической реализацией – стала репрезентация социальной действительности. Репрезентируя действительность, институты государства, ответственные за реализацию идеальной сущности, формировали для членов местного сообщества новый тип социальных связей и новый тип общественных отношений. Предполагалось, что вновь сформированные типы социальных связей и общественных отношений должны обеспечить преемственность развития общества. На этом основании институты государства устанавливали для всех органов местного самоуправления жесткую псевдосферу функционирования. Кроме того, институты государства определяли стандарты естественности и для сферы жизнеутверждения местного сообщества, максимально ограничивающие проявление принципа индивидуализма, и контролировали их реализацию.

Для российской действительности реформы местного самоуправления, проводимые как во второй половине XIX века, так и во второй половине XX века, начинались именно в традиции классического европейского консерватизма. Но в дальнейшем развитие этих реформ возрождало диалектический характер местного самоуправления, основанный на коллективистском типе социальных связей, на внутренних законах нравственности, идеалах правды, добра и справедливости. Диалектический характер местного самоуправления предполагает и решение задачи «сбережения народа... не только от государственно-бюрократического произвола, но и от непубличной экономической власти и ее „эрзац-идеологии“ – бездуховной и безнравственной массовой культуры» [14].

Общественные отношения между институтами государства и органами местного самоуправления формировались на основе норм права, которые выступали интерпретацией либо идеи всеобщего блага народа, либо идеи построения коммунистического общества. Внутри сферы жизнеутверждения местного сообщества потребность в совместной деятельности, способность нравственного самоограничения, самоорганизации формировали общественные отношения и устанавливали коллективистский тип социальных связей. Основанное на социальном единстве (коллективизме) местное сообщество ограничивалось в хозяйственной деятельности только собственными силами, ориентировалось только на доступные ему средства и тем самым освобождалось от внешней зависимости и государственной опеки.

Коллективистский тип социальных связей выражал такое состояние общественных отношений, при котором все члены местного сообщества, органы местного самоуправления соединены всеобщей связью. Каждый член местного сообщества становился субъектом сложного хозяйственного процесса. Наделенные властью выборные не возвышались над местным сообществом, а наделялись качествами вершителя добра и справедливости. Вся повседневная деятельность выборных лиц, как лучших представителей местного сообщества, наполнялась нравственной ответственностью.

Литература

1. *Витте С. Ю.* Самодержавие и земство. – СПб.: Типография В. Безобразова и К°, 1908. С. 210.
2. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Утверждено Александром II 19 февраля 1861 г. (извлечения).
3. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. Утверждено указом Александра II 1 января 1864 г.
4. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. Утверждено указом Александра III 12 июня 1890 г.
5. *Трубецкой Н.* Взгляд на русскую историю не с запада, а с востока // Основы евразийства. – М.: Арктогея Центр, 2002. С. 251.
6. Первая Советская Конституция // Сборник документов / под ред. А. Я. Вышинского. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938.
7. *Ленин В. И.* О демократизме и социалистическом характере советской власти // ПСС. Т. 36. – М.: Изд-во полит. лит., 1981. С. 481.
8. *Ковешников Е. М.* Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия. – М.: Норма, 2002. 272 с.
9. Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. С изменениями, принятыми XIII Всероссийским Съездом Советов 15 апреля 1927 года и XIV Всероссийским Съездом Советов 18 мая 1929 года. – М.: Власть Советов, 1929. С. 3.
10. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года. – М.: Известия Советов народных депутатов, 1985. С. 6–7.
11. О поселковом, сельском Совете народных депутатов РСФСР: Закон РСФСР // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. <http://www.libussr.ru>.
12. *Трубецкой Н.* Указ. соч. С. 234.
13. *Щиглик А. И.* Самоуправление в условиях развитого социализма. – М.: Наука, 1985. С. 23.
14. *Волобуев С. Г.* Смысл и задачи современного российского консерватизма // Современный российский консерватизм: сборник статей. – М.: НП-Принт, 2011. С. 7.

Conservatism in the russian model of local self-government

Sergey Petrovich Dureev, PhD in Philosophical Science, Assistant Professor Department of Philosophy and Social Sciences, Siberian State Aerospace University

In the article the features of realization of the conservative concept of local self-government in Russia, based on historically developed order of social relations, continuity of social relations and standards of naturalness collectivist type of society. It is shown that the nationalization of the sphere of reassurance of the local community, the local authorities were accompanied by a moral revival of the local community. It is proved that the local authorities were formed of the best representatives of the local community.

Keywords: self-government, pseudo-sphere of functioning, local governments, nationalization, the rule of law, representation of reality.